

Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина

Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова

М., "Детская литература", 1989

OCR Бычков М. Н.

Аполлон Александрович Григорьев (1822--1864) родился в Москве, в семье мелкого чиновника. В 1842 году окончил юридический факультет Московского университета. Литературную деятельность начал в 1843 году, выступал как поэт и как литературный и театральный критик. Ап. Григорьев не был прочно связан в течение длительного времени с каким-нибудь одним изданием, печатался во многих, различных по направлению. В начале 1860-х годов после сближения с Ф. М. Достоевским активно выступал в его журналах "Время" и "Эпоха", в 1863--1864 годах редактировал журнал "Якорь".

В многочисленных статьях и рецензиях Ап. Григорьев обосновывал свою теорию искусства, названную им теорией "органической критики". В ее основе лежала мысль, что внутренние закономерности искусства познаются интуитивно, "мысль сердечную" он противопоставлял "мысли головной". Григорьеву был присущ углубленный интерес к проблеме национального своеобразия русской культуры, он требовал от критики целостного подхода к произведениям искусства.

Статьи Ап. Григорьева "Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина" ("Русское слово", 1859, No 2 и 3) и "Стихотворения Некрасова" ("Время", 1862, No 7) относятся к последнему периоду его литературно-критической деятельности. Им присущ социальный пафос, мотив протеста, обусловленный сближением его взглядов с позицией революционных демократов. Ап. Григорьев дает проникновенный анализ творчества Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Некрасова, рассматривая их как выразителей народного духа.

Последнее значительное произведение Ап. Григорьева -- романтические мемуары о юности "Мои литературные и нравственные скитальчества" (1862-1864).

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ СО СМЕРТИ ПУШКИНА

В 1834 году в одном из московских журналов, пользовавшемся весьма небольшим успехом, но взамен того отличавшемся серьезностью взгляда и тона, впервые появилось с особенною яркостью имя, которому суждено было долго играть истинно путеводную роль в нашей литературе. В "Молве", издававшейся при "Телескопе" Надеждина¹, появлялись в течение нескольких месяцев статьи под названием "Литературные мечтания"². Эти статьи изумляли невольно своей беспощадной и вместе наивной смелостью, жаром глубокого и внутри души выросшего убеждения, прямым и нецеремонным постановлением вопросов, наконец, тою видимой молодостью энергии, которая дорога даже и тогда, когда впадает в ошибки,-- дорога потому, что самые ошибки ее происходят от пламенного стремления к правде и добру. "Мечтания" так и дышали верою в эти стремления и не щадили никакого кумиропоклонения, во имя идеалов разбивали простейшим образом всякие авторитеты, не подходившие под мерку идеалов...

В ту эпоху, которой первым сознанием были "Литературные мечтания",-- кроме старых, уже не читаемых, а только воспоминаемых авторитетов, был еще живой авторитет, Пушкин,-- только что появился почти в печати Грибоедов,-- и только что вышли еще "Вечера на хуторе близ Диканьки". В эту эпоху, впрочем, не Пушкин, не Грибоедов и не "Вечера на хуторе" тревожили умы и внушали всеобщий интерес. Публика охладела на время к Пушкину, с жаром читала Марлинского³, добродушно принимала за правду и настоящее дело разные исторические романы, появлявшиеся дюжинами в месяц, с тайной тревогою прислушивалась к соблазнительным отголоскам юной французской словесности в рассказах барона Брамбеуса и под рукою почитывала переводные романы Поль де Кока⁴.

Белинский был слишком живая натура, чтобы не увлечься хоть несколькими стремлениями окружавшего его мира... Бесстрашный боец за правду -- он не усомнился ни разу отречься от лжи, как только сознавал ее, и гордо отвечал тем, которые упрекали его за изменения взглядов и мыслей, что не изменяет мыслей только тот, кто не дорожит правдой. Кажется даже, он создан был так, что натура его не могла устоять против правды, как бы правда ни противоречила его взгляду, каких бы жертв она ни